

Школьная библиотека

Марк Твен

Янки при дворе
короля Артура

Харьков
«Фолио»
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неприглядные законы и нравы, упомянутые в этой повести, не вымышлены, а исторически достоверны; столь же достоверны и эпизоды, приведенные в их пояснение. Нельзя ручаться, что все таковые законы и нравы бытовали в Англии шестого века, но можно предположить, что поскольку ими отмечены английская и прочие культуры более поздних времен, то они вполне могли существовать и в Англии шестого века, и посему допущение, что они и впрямь бытовали в то время, не следует воспринимать как навет на век шестой. Можно предположить, что если каких-либо из упомянутых законов и нравов и не было в те отдаленные времена, то их с лихвой заменяли другие, еще более неприглядные.

Вопрос о том, что именуется божественным правом королей, в этой книге до конца не раскрыт — он представляется сложнее, чем предполагалось изначально. То, что глава исполнительной власти должен быть человеком возвышенных помыслов и исключительных способностей, самоочевидно и неоспоримо, как самоочевидно и неоспоримо и то, что никому, кроме Бога, не дано избрать главу государства, не опасаясь ошибиться; отсюда со всей неизбежностью следует вывод о том, что, как утверждают многие, избрание оно и впрямь находится в руке Божьей. Так, во всяком случае, думал и автор, пока не натолкнулся на таких субъектов, как мадам Помпадур, леди Каслмейн и неких иных, подобных им, глав высшей исполнительной власти, кои настолько не вписывались в разряд избранников Божьих, что было решено вынести данный вопрос из этой книги (которая должна выйти уже осенью), с тем, чтобы, накопив опыта, отвести ему место в следующей. Этот вопрос, несомненно, должен быть рассмотрен со всей тщательностью, а на нынешнюю зиму, кстати, у меня не намечено ничего определенного.

*Хартфорд,
21 июля 1889 года*

ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Будучи на экскурсии в замке Уорвик, я встретился с одним весьма примечательным незнакомцем, о коем и пойдет мой рассказ. Меня в нем привлекли три черты: ненапускное простодушие, поразительная осведомленность в старинном вооружении и легкость в общении с ним, поскольку без умолку говорил он один. По своей природной скромности мы плелись в хвосте любопытствующего стада туристов, ведомых по замку, где, едва открыв рот, он начал говорить странные вещи. Речь его, все более плавная, связная и даже изысканная, все далее неуловимо уносила его из нашего времени в мир прошлого, и в конце концов он околдовал меня настолько, что я и сам как будто оказался в плену восставших из праха и окруживших меня призраков и теней минувшего, и вот я беседую с кем-то из них! Равно как я упоминал бы в разговоре своих ближайших друзей, так он вел речь о сэре Бедивере, сэре Борсе де Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде и прочих славных рыцарях Круглого стола, и чем дольше он говорил, тем более старым, старым-старым, неопишимо старым и выцветшим, иссохшим и древним казался он сам! Внезапно он прервал свое повествование и, обернувшись ко мне, сказал так просто, как другие говорят о погоде и прочих обычных вещах:

— Вы, конечно, слышали о переселении душ, а вот доводилось ли вам сталкиваться с перенесением тел, э-э-э, из одной эпохи в другую?

Я признал, что не доводилось. Впрочем, мой ответ интересовал его не более, чем иных интересует погода — скорее всего, он даже не расслышал, что я сказал. Тем не менее, в наступившей минутной паузе послышался усыпляющий голос штатного чичероне:

— Кольчуга шестого века, времен короля Артура и Круглого стола... по преданию, принадлежала сэру Саграмуру Желанному... небезынтересно идеально круглое отверстие меж петлями кольчуги с левой стороны... по предположению, произведено уже огнестрельным оружием... как полагают, в результате акта вандализма со стороны кого-либо из солдат Кромвеля...

На это мой знакомый только хмыкнул с ухмылкой, какой, видно, ухмылялись столетия назад, и пробормотал про себя:

— Уж кому, как не нам было зреть сей отвор совершенным, — и, подумав, добавил: — Когда эту дырку сделал я сам, этой самой рукой.

Пока я приходил в себя от электрического шока, произведенного его замечанием, его уж и след простыл.

Весь вечер я просидел у камина в гостинице «Уорвик Армс», погружившись в грезы о делах минувших дней, пока по окнам барабанил дождь и по всем закуткам завывал ветер. Время от времени мой взгляд скользил по раскрытым страницам собрания старинных легенд сэра Томаса Мэлори, и тогда я упивался пиршеством невероятных чудес и подвигов, что представляли перед моим мысленным взором, вдыхал изысканный аромат давно исчезнувших имен, и снова погружался в грезы. Было уже далеко за полночь, когда на сон грядущий открыл я очередное сказание, каковое и выношу здесь на ваш суд.

О ТОМ, КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ СРАЗИЛ ДВУХ ВЕЛИКАНОВ И ОСВОБОДИЛ ЗАМОК

...вот выходят на него два огромных великана, все законные в латы, только головы без шлемов, и в руках у обоих по ужасной палице. Сэр Ланселот загородился щитом и отвел удар палицы одного великана, а сам мечом своим пополам раскроил ему голову. Увидел смерть товарища второй великан и бросился бежать, словно безумный, а сэр Ланселот что было мочи — за ним, ударил его по плечу и рассек ему туловище до самого пупа. После того вошел Ланселот внутрь замка, и явились к нему шестьдесят дам и девиц, они все опустили перед ним на колени и благодарили Господа Бога и его за спасение. — Ведь почти все мы, — сказали они, — вот уже семь лет содержимся здесь в неволе, мы шили шелками и исполняли всякие рукоделия за прокорм, а мы ведь высокого и благородного происхождения. Пусть же будет благословен тот час, о рыцарь, когда был ты рожден на свет, ибо ты свершил подвиг, какого ни один рыцарь на земле еще не совершал, и все мы тому свидетели. Мы просим вас открыть нам ваше имя, чтобы мы могли назвать нашим родичам и близким того, кто избавил нас от неволи. — Прекрасные дамы, — отвечал он, — мое имя — сэр Ланселот Озерный. — О сэр, — вскричали они все, — кем же и быть вам, как не сэром Ланселотом, ведь кроме него, мы полагаем, ни один рыцарь не совладал бы с этими великанами, ибо многие славные рыцари пытались их одолеть и все нашли здесь свою погибель. Сколько раз мы тут мечтали о вашем появлении. И те два великана боялись изо всех рыцарей только вас. — Так и скажите вашим близким, — промолвил сэр Ланселот, — и передайте им всем от меня поклон; если же случится мне заехать в ваши края, окажите мне прием, какой почтете справед-

ливым. А какие есть богатства в этом замке, отдаю их вам за все те лишения, что вы претерпели. Лорд же владелец этого замка пусть получит его назад, как причитается ему по праву. — Любезный сэра, — сказали они, — замок этот называется Тинтагиль, некогда владел им один герцог, который женился на прекрасной Игрейне, а она потом стала женой Утера Пендрагона и родила ему Артура. — Ну что ж, — сказал сэра Ланселот, — теперь я понял, кому принадлежит этот замок. — И он покинул их, поручив их милости Божией.

И, сев на коня, он поехал своей дорогою, через дальние чужие края, через реки и доли, на ночлег останавливаясь где придется. Наконец посчастливилось ему оказаться к исходу дня у богатого двора, а там жила старушка, и она приняла его с великим радушием на постой и ночлег, накормила, напоила и коня его не забыла. А пришло время, и отвела его благородная женщина в наворотный покой, где была приготовлена ему постель. Там снял сэра Ланселот с себя доспехи, подле себя их сложил, лег в постель и в скором времени крепко уснул.

А ночью кто-то на коне прискакал туда, стучится торопливо в ворота. Услышал то сэра Ланселот, встал с постели и в окно выглянул. И видит при лунном свете, как трое всадников нагнали у ворот одного и с мечами на него бросились. А тот рыцарь против них повернулся и мужественно от них защищается.

— Клянусь, — сказал себе сэра Ланселот, — этому одинокому рыцарю приду я на помощь, ибо позор мне смотреть, как трое нападают на одного, и если его убьют, то и на меня ляжет вина в его смерти.

С тем облачился он в доспехи, вылез из окна и по простыне спустился прямо к четверем рыцарям. И воскликнул сэра Ланселот:

— Обернитесь, вы, рыцари, и сражайтесь со мной, а этого рыцаря оставьте в покое!

И тогда они все трое оставили сэра Кэя, оборотились против сэра Ланселота и стали со всех сторон на него наседать. Изготовился сэра Кэй прийти на помощь сэру Ланселоту.

— Нет, нет, сэра, — вскричал тот, — я не нуждаюсь в вашей помощи. И потому если хотите, чтобы я вам помог, то дайте мне одному с ними управиться.

И сэра Кэй в угоду славному рыцарю поступил по его воле и отъехал в сторону. И сэра Ланселот семью ударами поверг их наземь. Тут вскричали они все трое:

— Сэра рыцарь, мы сдаемся вам как мужу мощи несравненной!

— Ну, что до этого, то я меча вашего не приму, вы сдайтесь вот этому рыцарю. На таком условии я сохраню вам жизнь, иначе же — нет.

— Благородный рыцарь, ваше условие нам вовсе не по душе, ведь что до этого рыцаря, то мы гнались за ним, тут его настигли и одолели бы, когда бы не вы. И оттого сдаваться ему нет у нас причины.

— Что ж, дело ваше, но подумайте хорошо, прежде чем выбирать между жизнью и смертью. Ибо если вы сдадитесь, то только сэру Кэю.

— Тогда, о благородный рыцарь, — сказали они, — чтобы спасти себе жизнь, мы сделаем так, как ты нам ве-лишь.

— В таком случае, — сказал сэр Ланселот, — в буду-щую Троицу отправляйтесь ко двору короля Артура и там поклонитесь королеве Гвиневере, поручите себя все трое ее милости и власти и скажите ей, что вас шлет к ней плен-никами сэр Кэй.

— Сэр, — сказали они, — так все и будет сделано, кля-немся телом и душой, если только будем мы живы.

И каждый из них поклялся в том на своем мече, а по-сле этого сэр Ланселот их отпустил. Потом постучал сэр Ланселот в ворота рукоятью меча своего, на стук вышла хозяйка и впустила их обоих, его и сэра Кэя.

— Сэр, — говорит почтенная женщина, — я думала, что вы в постели.

— Я и был в постели, но потом я встал и выпрыгнул в окно, чтобы помочь моему старому товарищу.

А когда приблизились они к огню, узнал и сэр Кэй сэра Ланселота; он упал перед ним на колени и благода-рил его за все добро, что он ему сделал, дважды спасши его от смерти.

— Сэр, — отвечал тот, — я делал только лишь то, что велел мне долг. А вам добро пожаловать, здесь сможете вы отдохнуть эту ночь.

Сэр Кэй снял с себя доспехи и попросил есть. Принес-ли ему еды, он наелся до отвала, и, когда он насытился, отправились они оба спать и в ту ночь спали вместе в од-ной постели. А поутру поднялся сэр Ланселот рано и ос-тавил сэра Кэя спящим. Он взял доспехи сэра Кэя, щит его и оружие, облачился и вооружился. Пошел в конюш-ню, оседлал коня и, простившись с почтенной хозяйкой, ускакал прочь. А вскоре после того пробудился и сэр Кэй, хватился — нет сэра Ланселота, а нашел он взамен его до-спехи и коня.

— Клянусь, достанется, от него теперь кое-кому при дворе короля Артура. Ведь рыцари станут обращаться с ним дерзко, полагая, что это я. И жестоко обманутся. А я благодаря его щиту и доспехам смогу теперь, я уверен, есть спокойно.

И с тем сэр Кэй поблагодарил хозяйку и уехал.

Не успел я отложить книгу, как раздался стук в дверь и вошел мой давешний незнакомец. Я предложил ему трубку

и кресло и оказал самый радушный прием. Дабы он полностью чувствовал себя как дома, я плеснул ему старого доброго шотландского виски, потом еще и еще, питая надежду услышать его историю. Четвертый стакан возымел убедительное действие, и он заговорил сам, простым, естественным языком.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

Я американец. Родился и вырос в Хартфорде, в штате Коннектикут, для пушей ясности — сразу за рекой, можно сказать, в захолустье. Так что я до мозга костей янки, янки из янки, то есть человек практичный; возвышенных чувств, как говорится, лишенный, всякой поэзии чужд. Отец мой был кузнецом, дядя врачевал лошадей, и я по малолетству подсоблял обоим. Потом я устроился на оружейный завод Кольта и там усвоил уже настоящее ремесло, что называется, от «собачки» и до «мушки», и наострил мастерить хоть ружье, хоть револьвер, хоть пушку, хоть паровой котел, а хоть и сам паровоз — одним словом, все, что называют механикой, сберегающей трудовые затраты. Не было ничего такого, из чего при необходимости я не мог бы сделать что-то стоящее, и если была в том нужда, но не было известного способа, я сам изобретал способ, как бы это сделать с такой же легкостью, с какой бревно можно скатить под укос. Так я дослужился до старшего мастера, и под моим началом работало уже две тысячи человек.

Само собой, такая должность требовала бойцовских качеств. Когда у тебя под началом две тысячи задиристых удальцов с кулаками, что твоя кувалда, то рукоприкладных развлечений хоть отбавляй. Не минули они и меня. И вот попался мне как-то достойный соперник, и я получил свое. Вышло у нас недоразумение с парнем по прозвищу Геркулес, которое мы попытались разрешить с помощью подручных средств. Он съездил меня по макушке лапчатым ломом, да так, что в ушах раздался треск и все косточки на черепушке вначале разошлись по швам, а потом сошлись, наезжая друг на дружку. Свет потух, и больше я себя не ощущал, во всяком случае, до поры до времени.

Когда я очнулся, то обнаружил, что сижу на травке под дубом; передо мной расстилается прелестный деревенский пейзаж, а вокруг ни души. Или почти ни души — в двух шагах от меня верхом на лошади присутствует в этом пейзаже некий детина и глазееет на меня сверху вниз, при этом вы-